

Как раньше не будет

Юлия Р.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Р.

Как раньше не будет

«Автор»

2024

Р. Ю.

Как раньше не будет / Ю. Р. — «Автор», 2024

Проснувшись утром, молодая девушка по имени София обнаруживает, что оказалась в теле младенца. А если быть точнее, в своём собственном теле, только много лет назад. Сон ли это или новая реальность, ещё предстоит выяснить. История для нынешних тридцатилетних и тех, кто желает ненадолго прыгнуть в детство, словить немного настольгии и неплохо провести время в компании лёгкой истории.

© Р. Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Р.

Как раньше не будет

Глава 1

София проснулась почти полностью. Дремота цеплялась какое-то время, но сорвалась, выкинув сознание в реальность, будто поплавок из-под воды сбежавшая с крючка рыба. Открывая-закрывая глаза после продолжительно липучего сна, Софа попыталась настроить зрение на максимум его возможностей. Потолок виделся чётко, но совершенно неузнаваемо. Оштукатуренный, с пятнами в жёлтый градиент то тут, то там, осыпавшейся побелкой на границе с подкопченными стенами и лампочкой на длинном проводе с парочкой обезвоженных мух. Через всю длину потолка протянулась бельевая верёвка, увешанная чепцами, ползунками, пелёнками разной степени изношенности и застиранности. С трудом она перевалила голову на бок и уперлась в разноцветные пятна. В своих размытых очертаниях они не походили на что-то конкретное, расплывались яркими облачками на серо-розовом фоне. София поморгала, но всё осталось в расфокусе, будто гиперметропия обострилась ещё на пару единиц. Немногим помогло прищуривание – окружающая аморфность попыталась обрести некоторую форму, но превратиться в предметы не смогла.

«Странно», – подумала Софа и ненадолго прикрыла глаза.

Следующая попытка сориентироваться в обстановке оказалась такой же неудачной, как и предыдущая. Стены, мебель, комната и особенно запах в ней казались незнакомыми. Воняло гарью, кислым молоком, кошачьей мочой и дымом от самосадного табака. Последний запах удивил особенно. Откуда бы ей знать, как пахнет махорка?

«Меня похитили что ли?»

София сделала усилие, чтобы встать, но тело отказалось слушаться. Оторвать от подушки голову тоже не получилось: слишком тяжелая, будто за ночь прибавила пару лишних килограмм. Что больше раздражало, так это то, что все потуги сопровождались дурацким кряхтением. Определённо точно они исходившим от неё, но как собственное не распознавались хотя бы из-за странной тональности. Девушке в двадцать семь с небольшим лет как-то не престало стонать подобно младенцу.

«Так и думала, что вино палёное.» – вздохнула она и попробовала перевернуться на бок.

Странная немощность в движениях не позволила сдвинуться с места, застопорив в положении на спине. Загорелась мыслительная лампочка – парализовало. Проверяя догадку, Софа попыталась пошевелить одной, затем другой ногой – никаких проблем. Подняла одну руку...

«Что за хрень!?» – паника.

Справляясь кое-как с движением, перед её глазами маячила пухленькая ручка с милой складочкой у запястья и ямочками у основания каждого коротенького пальчика. Определённо, хоть и с трудом, именно София управляла этой детской ручкой. Поражённая увиденным, она для верности промелькнувшей в голове мысли подняла вторую руку. Нет, ей не показалось. Обе конечности на вид, как у младенца.

«Да твою ж налево! Что происходит?» – обрушившаяся паника сжала горло в спазме и заставила кричать. София услышала надрывный плач ребенка, такой противный и звучный, который обычно раздражает всех в радиусе ста метров, выходящий из её собственного горла. Спустя мгновение над головой замаячило женское личико со всеми признаками финишной прямой перед нервным срывом. Девушка тупо пялилась и не решалась что-либо сделать.

– Почему ты не спишь? – обвинительно спросила она.

Посмотрела по сторонам, поворачивая шеей медленно, как в slow motion. Помощи извне, по всей видимости, не предвещалось. Она тяжело вздохнула, нагнулась к Софии, просунула холодные руки ей под голову и спину, и легко подняла с кровати. Удивление вмиг сбило крик. Софа притихла. Ожидать чего-то страшного от девушки как будто не стоило. Она аккуратно прижимала маленькое, что теперь уже очевидно, тельце Софии к себе и качалась из стороны в сторону, словно убаюкивая.

Творилась какая-то чертовщина. Так не бывает, чтобы люди вечером засыпали взрослыми, а на утро просыпались младенцами. Если не внезапный ночной инсульт, конечно. Но София соображала так же, как и вечером ранее, если не считаться с крайней степенью непонимания своей телесной метаморфозы.

«Как будто в историю Кафки попала», – ужаснулась она.

Девушка не спеша покачивала её и с закрытым ртом мычала незнакомую мелодию на манер колыбельной. Со своего положения Софии удалось разглядеть только подбородок, мочку уха без серёжек и пережжённые волосы цыплячьего оттенка. Хотелось понять, кто это. Чувствовалось, что это имеет значение. Но девушка упорно смотрела куда-то далеко за пределы комнаты и больше не обращала вниз своего лица.

Мычание сменилось тихим напевом:

Маленькой ёлочке
Холодно зимой,
Из лесу ёлочку
Взяли мы домой.

«Серьёзно? Ты не знаешь ни одной колыбельной?» – упрекнула София.

Девушка как будто услышала её и прекратила петь. Она повернула голову к Софии и без эмоций на лице заметила:

– Я так устала от тебя! Почему ты не спишь?

Не услышав ответа, продолжила:

– Всё было бы по-другому, если бы не ты. Я б не застряла здесь, вся в дерьме и ссанине. Не понимаю, за что мне всё это?.. А этому козлу всё отольётся: и то, что бросил нас, и мои слезы, и просранная молодость. Да-да, папашка твой за всё заплатит, вот увидишь!

«Мама?» – сделала для себя неожиданное открытие София.

Поразительная схожесть черт лица с её собственными подтвердила догадку. Она бы никогда не подумала, что может быть точнейшей репликой другого человека. А может она видит себя в будущем? Нет, нет. Девушка слишком молодая – лет семнадцати-восемнадцати. И волосы – неудавшийся блонд, стрижка под маллет – такого она себе никогда не позволит, даже если это снова станет модным. Даже на спор. Это мама, хоть Софа никогда не видела её вот так, как сейчас. Их знакомство ограничилось первыми шестью месяцами жизни Софии. Мама решила покинуть этот мир, сбросив свою малышку на руки соседки, а своё тело с девятого этажа. После себя она не оставила ничего, кроме одной детской фотографии, на которой половину её лица перекрывает тень от человека, стоящего рядом.

«О, Господи! Я в прошлом? – мысли забежали, как испуганные включенным светом тараканы. – Это многое объясняет... Вернее, нихрена не объясняет. Как это возможно? Я не хочу быть младенцем! Какого чёрта со мной происходит?»

Она завозилась в руках мамы, как будто старалась вырваться из тельца ребёнка. Скорчила покрасневшее от натуги личико и выдавила свои возмущения в плач. Мама встряхнула её посильнее, но крик только усилился. Тогда она вернула ребёнка в кроватку и скрылась в другой комнате. София слышала, как мама гремит стеклянными бутылками, перебирает металлическую посуду, рвёт ткань и топает так сильно, что вибрация от шагов отдаётся в люльке. Через пару минут она снова появилась над кроваткой. Мама держала бутылочку с чем-то мутным и

неаппетитным в одной руке, а в другой – марлевый кокон толщиной с палец. Даже на расстоянии София учуяла, что от него несёт спиртом.

«Ты что, хочешь меня напоить?»

Мама поднесла к её рту бутылочку. София всеми силами сопротивлялась своему телу, но безусловный рефлекс заставил ухватиться за соску и выдавить из бутылки несколько глотков смеси. Жидкость оказалась тёплой и вполне приятной на вкус. Поуспокоившись, она прикрыла глаза и не без удовольствия сделала ещё пару глотков. Через мгновение соску во рту заметил марлевый тампон. София почувствовала, как непроизвольно сглатывает алкоголь. Водка! Детское тельце Софии взбунтовалось: рот от отвращения раскрылся в крике. Мама повторила манипуляцию с бутылочкой. Глупый младенец ухватился за соску и в наказание получил очередную порцию алкоголя. София почувствовала, как сознание опадает и затемняется. Она засыпала и где-то на краю восприятия слышала последние слова мамы:

– Это скоро закончится, я обещаю...

София открыла глаза. На прикроватном столике зеленые точки между 07 и 15 отмеряли секунды нового дня. Она подняла голову и огляделась. Плотные шторы не полностью закрывали единственное окно в комнате, на полу валялись сброшенные в кучу джинсы и свитшот, украшенные сверху носками застиранного белого цвета с отчётливым рисунком ступней со второй степенью плоскостопия. Стену напротив кровати перекрыли от пола до потолка два книжных шкафа, заваленные в большей степени хламом нежели тем, что должно стоять по задумке мебельщика. Между ними втиснулись выцветшая репродукция «Лунной ночи на Босфоре» в тонюсенькой рамке, но со всеми признаками закоса «под старину», и ушатое кресло китайского производства в английском стиле. Вдоль стены с входной дверью расплылся гардеробный шкаф цвета «влюблённой жабы», как обозначил этот оттенок зелёного изумительно милый менеджер мебельного магазина. София усмехнулась тогда забавному маркетинговому ходу, и всё же без особых раздумий вошла в очередной кредит. Цвет импульсивной покупки начал подбешивать примерно через месяц, через два – откровенно раздражать. К сожалению, поменять что-либо в ближайшее время не позволяла подмоченная кредитная история.

Да, определённо это её комната. Для большей уверенности София сбросила с себя одеяло. Беглого сканирования тела оказалось достаточно, чтобы присудить ему степень вполне взрослого.

«Приснится же... На ночь пить столько больше не буду», – дала она себе твердое обещание на будущее и влетела ногами в пустую бутылку из-под вина.

– Чёрт!

Кот Себастьян показал свою пухлую мордочку в дверном проёме. Убедившись в пробуждении хозяйки, он пересёк границу комнат, не спеша прошёлся до кровати, запрыгнул на край и уселся на нескромную часть одеяла. Поминутно жмуря жёлтые глаза, он произнёс скрипучее «эр», когда Софа перенесла своё внимание с бутылки на него.

– И тебе привет! – улыбнулась коту.

Экспедиция до кухни показала, что бардак в квартире сам по себе не рассасывается. Мусор, оставленный аккурат у входной двери, София забыла выбросить ещё позавчера. От него откровенно несло густым ароматом опасного биологического оружия и, если это не галлюцинации, в нижней части мусорного пакета будто бы проследживались некоторые шевеления. К удивлению, в шкафчике над раковиной ещё осталось кое-что из чистой посуды. Пока витамин С с шипением и пузырьниками растворялся в пол-литровой пиале, София выгребала миски от остатков засохшего корма и меняла воду в глиняном горшке. Себастьян предпочитал его в качестве источника воды, кидая кошачье презрение на новомодную поилку-фонтан. Таблетка растворилась полностью и окрасила воду в светло-жёлтый цвет. София небольшими глотками отпивала из стакана напиток, чувствуя, как приятная кислинка заполняет рот, проваливается

в горло и забирает с собой сухоту и все неприятные последствия похмельного синдрома. Становилось физически легче.

Вчерашний день, как и последние два года в самобичевательных раздумьях и исследований по типу «Где я свернула не туда?», ничем хорошим не отличался. В какой-то мере, концентрация паршивости предыдущего дня превалировала над всеми остальными. Поэтому ночной кошмар (или что это было?) отлетел на задний план со скоростью экспресса до Нептуна. София вздохнула с тоской и снова чуть не заплакала.

Она трудилась на позиции секретаря в новомодной кондитерской под вывеской «Торт и пряник». Удивительно, что «Кнут» не прижился – во всех смысловых вариациях ему там было самое место. С понедельника по пятницу, с девяти утра до шести вечера, ей приходилось сосуществовать с разного рода паршивцами, мегерами и засранцами. Им явно приплачивали за высокоранговую мразотность в тайной корпорации ЗЛА, иначе объяснить фанатичную целеустремлённость гадить всем с подряд невозможно. Некоторым из них, по всей видимости, отстёгивали ещё и процент за каждого пострадавшего. Это относилось не только к коллегам. Клиенты кондитерской так же частенько не отличались явной благосклонностью. Вообще-то, по своей должности София не обязана была с ними пересекаться, но по доброте душевной, или по банальному неумению говорить: «Нет!», приходилось.

Оксана – администратор злополучной смены и мать-одиночка по совместительству – попросила Софию подстраховать на посту, пока та быстренько сбегает до детсада, заберет осоплившегося сынишку и запрет под домашний карантин. Минут сорок и не больше. Шефка Мария Аркадьевна, которая, опираясь на её стандартное расписание, болтает с личным психотерапевтом по Skype, ничего не заметит.

– Сама понимаешь, эта стерва бездетная меня не отпустит, – пожала плечами Оксана и вылетела в двери кондитерской.

По классике, если что-то должно было произойти, то именно сейчас. Не прошло семи минут, как дверь вынесла мадам, с лицом в режиме гнева, суда, расстрела и других прелестей скандала на пустом месте.

«Да, твою ж...» – правильно оценила ситуацию Софа и еле удержалась от прятки под барной стойкой.

Дама с лёгкостью вычислила административную единицу, обязанную принять весь список её претензий к качеству обслуживания, и направилась напрямик к Софии. Она с полчаса не затыкалась. Даже удивительно, как много речевых конструкций можно составить при столь скудном словарном запасе. Суть заключалась в том, что торт, даже коробки от которого не было предоставлено в качестве доказательства, совершенно не попал в идеал именинника, отчего последний крайне расстроится, покинул мероприятия в удручённом состоянии и заперся у себя в комнате на целых двадцать семь минут! без права вмешательства со стороны взрослых в личное пространство новоиспечённого подростка. Требовалось стопроцентное возмещения затрат и компенсация морального ущерба за несостоявшийся праздник. София знала, что люди как минимум процентов на двадцать не стесняются преувеличивать. Глядя на мадам, пулявшую слюну чуть ли не до парковки, она повысила ставки процентов до сорока девяти. Тем не менее, ситуацию сглаживала, как могла, периодически поглядывая на входную дверь в надежде увидеть возвращение настоящего администратора.

Чуда не произошло. Выслушав в свой адрес все малоприятные эпитеты, София попросила пару минут и побежала на офисный этаж. Она могла бы решить любую техническую проблему, и, как говорится, соорудить из палок и навоза вечный двигатель, но что делать в данной ситуации, решительно не понимала. К несчастью, кроме начальницы обратиться за помощью было не к кому. Не стоило, конечно, ожидать, что Мария Аркадьевна войдет в положение и отнесётся с пониманием. У неё, в принципе, с эмпатией всегда были низкопробные отноше-

ния. Всё усугублял тот факт, что лично она не разрешала администратору покидать рабочее место и уж тем более оставлять вместо себя какую-то там секретаршу.

– Но, Мария Аркадьевна, у неё ребёнок заболел...

– Это её проблемы! – перекрикивала директриса робкие оправдания Софии. – Она обязана была поставить меня в известность, а не просить втихаря тебя, как обычно. Значит так, спускаешься вниз и уговариваешь эту бабу, как хочешь. Ничего мы ей не должны! Торт она не принесла, значит сожрали. Если прям совсем не успокоится, выдашь ей пятьдесят процентов от стоимости и не больше.

– Поняла.

– И помни, – затормозила Софию в дверях, – в случае выплаты этой дуре, я вычту недостачу с кондитера, администратора и тебя, разумеется.

– Поняла...

Переубедить клиентку не удалось. Таких дамочек вообще мало что переубеждает, кроме огнестрельного у виска. И то не факт. К сожалению, под рукой не оказалось даже захудалого ножечка. Пришлось раскассироваться.

Рабочий день закончился объяснительной, ещё одной лекцией от Марии Аркадьевны и зудящим чувством вины. Что ж, София стерпела (и опять, и снова). Хотелось поскорее сбежать домой и спрятаться от всех подальше. Но не тут-то было. На выходе из офиса её подкараулил Пашка – новенький кондитер, которому, к слову, как раз и не удалось куда-то там попасть имениннику. Он выразил своё презрение к профессиональным навыкам Софии и обвинил её в полученном штрафе, который он видал в одном месте у неё и у «этой стервы Машки».

«Хорошо хоть в лицо не плюнул», – утешала себя Софа.

Контрольный в голову прилетел с сообщением в WhatsApp от Оксаны. Мать приболевшего четырехлетки обозначила свою позицию кратко, обвинив Софию в стукачестве.

– Вот так и помогай людям... – хныкала Софа всю дорогу до дома, брякая бутылками в пакете с логотипом соседнего алкомаркета.

Первый выходной пролетел, не оставив в памяти никаких значимых кадров. Где-то на девятой документалке по true crime София с удивлением отметила, что в квартире стало намного чище, мусором не воняло, а голова совершенно не беспокоила болезненными спазмами.

Под вечер заявила Лида – лучшая и единственная (ну, так вышло) подруга детства. Опухшее лицо Софии возмутило её до крайности. Она, не успев стянуть свои шикарные ботфорты на квадратном каблуке, принялась перевоспитывать непутёвую подружку прямо тут, у обувницы, попутно чекряжа её коллег, работу и особенно Марию Аркадьевну.

– Люди – конченные мрази, – вдалбливала Лида свою философию. – А такими, как ты, они пользуются. Надо характер в себе воспитывать. Со мной вот как? Где сядешь, там и слезешь.

– Ты другая. Ты – сильная. А я всю жизнь размазнёй была. Не понимаю, откуда у меня это!?

– Тётя Наташа твоя не сахар была. Строила тебя, как солдатиков перед парадом, а ты ей слова поперёк ни разу не сказала. Это, вообще, нормально устраивать комендантский час для девятнадцатилетней девы?

– Мне кажется, она боялась за меня. Наверное, думала, что я как мама буду.

– Это понятно, но бороться то зачем? – Лида постукивала коготками по столу и наблюдала за носившейся по кухне Софией. – Слушай, может тебе на тренинг какой-нибудь сходить или к психологу? Обратись к специалистам, раз ты сама себе не помощник.

– У меня на это денег нет.

– Ну да. А на мужиков твоих никчёмных есть... – Лида осеклась и постаралась тут же замазать: – Ты пойми, пока есть время, надо что-то менять. Ты ж не глупая, вполне симпатичная, молодая и без детей...

– Мне сегодня, – перебила София, – странный сон приснился. Как будто я маленькая, а меня мама на руках укачивает. Так реалистично, вот как с тобой разговариваю.

– Бывает. Мне недавно бывший приснился. Я ему между ног тоже вполне реалистично прописала. Утром проснулась счастли-и-ивая!

София улыбнулась, а Лида продолжила свой воспитательный марафон:

– Давай, настраивайся и бери себя в руки. Учись говорить «нет» другим и «да» новым возможностям. А то ты так и погрёшь на нелюбимой работе, подтирая задницу своей Машке Аркадьевне.

Ей бы в духовные наставники податься, коучи какие-нибудь, или как их там, выступать на международных форумах или писать длиннющие посты в соцсетях под хештегами по типу #УспешныйУспехИзПоследнегоКредита, #ЯТыМыЛени #МыСправимсяНоЗавтра или #ЕслиДелоНеВЭтомТоДелоВТом. А что, у Лиды получилось бы. С её характером можно горы сносить до подошвы, а не покорять.

Как бы слова подруги не свистели мимо ушей, София всё-таки решила, что пора что-то менять. Радикально! Например, уволиться. Вот прямо послезавтра, в понедельник. И ничего, что работа всего в паре остановок от дома и всегда можно добежать пешком. И не страшно, что никакого диплома она так и не получила. Ведь на эту работу её как-то приняли, примут и на другую. Тем более опыт приличный, а корочки — это так: тарелку с Дошираком прикрывать.

С такими убеждениями она кое-как пережила воскресенье и в понедельник утром уверенным шагом влетела на офисный этаж. На встречу к ней шёл Пашка. София хотела прошмыгнуть мимо, но он перегородил ей дорогу и ни с того ни с сего залепетал:

– Прости меня, София, я вспылil тогда не по делу. Клиентка эта ещё чушь какую-то несла. Заказало сначала одно, а требовала другое. В общем, я был не прав, – и протянул плитку шоколада.

От удивления брови Софии поплыли вверх. Ещё никогда такого не было, чтобы хоть кто-то в этой компании перед ней извинился. Она растерялась и не сразу сообразила, что нужно что-то сказать в ответ.

– А-а-а... Да ничего. Всё нормально. Я не в обиде, – махнула она рукой.

Паша кивнул и ещё раз ткнул шоколадкой ей в руку. София неловко взялась за неё и чуть не выронила. Смутившись окончательно, она, как китайский болванчик, закачала головой и попятилась от Пашки к кабинету управляющей.

– Войдите! – прозвучало за дверью после двух стуков.

София выдохнула и дёрнула на себя дверь.

– А, София! Ты как раз вовремя, – подскочила с места Мария Аркадьевна. – Присаживайся, у меня к тебе серьёзное предложение.

– Мне тоже нужно кое-что вам сказать, – начала было Софа, но начальница перебила.

– Конечно. Я тебя выслушаю, но позже. В филиале на Приречной освободилось место менеджера кафе. Это всё одно, что управляющий. Я предложила твою кандидатуру Максиму Арнольдовичу, и он со мной без разговоров согласился!

– Но... – пыталась возразить София.

– Я тоже не хочу с тобой расставаться, но тебе пора пойти на повышение. Знаю, что у нас с тобой не всегда всё было гладко, но ты ответственная, сообразительная и быстро учишься новому. Эта должность подходит тебе, как никому другому. К тому же, – продолжала без остановки сыпать Мария Аркадьевна, – у тебя будет свой кабинет, повысится оклад, и ты сама станешь руководителем, пусть и пока низового звена. Всё лучше, чем сидеть секретарём!

София не знала, что на это ответить. Определённо, ей не помешало бы подумать. С одной стороны, это возможность, которой нужно сказать «да». С другой – здесь точно какой-то подвох, во избежание которого лучше ответить «нет».

– Мне нужно подумать.

– Что здесь думать? Решайся и уже завтра приступишь к стажировке.

– Всё-таки мне нужно подумать, – София встала с кресла, в которое её практически впихнула Мария Аркадьевна, и направилась к выходу.

– Хорошо, подумай, но к обеду я жду твоего решения.

Голова закипала от происходившего сегодня. Верно планеты выстроились в какой-то таинственный символ, заколдовавших всех вокруг. София прошла коридор до упора и свернула к пожарному выходу. Хотелось выйти на воздух и при этом больше ни с кем не пересекаться. Она нырнула за дверь и чуть не сшибла с ног Оксану.

«Какого ж ты-то тут?» – выругалась про себя.

– Ой, прости! – сказала в слух.

– Привет, Софа! Хорошо, что ты мне попалась. Спустишься со мной покурить? – предложила Оксана, выказывая самый доброжелательный настрой.

– Я всё равно туда иду.

«Это прикол какой-то?» – размышляла София, пока они спускались по лестнице. – Сейчас выйдем на улицу, и она мне вмажет.»

Редкие капли дождя разбивались об асфальт, оставляя после себя мокрый отпечаток. Оксана протянула одну руку к небу, то ли проверяя, то ли ловя дождевки, а другой вытащила пачку из заднего кармана. Она достала сигаретку для себя и протянула вторую Софии.

– Я не курю, – напомнила Софа и скрестила руки на груди.

– Точно. А ты молодец! – выдохнула дым. – Я никак бросить не могу. С нашей работой, мне кажется, это нереально. Такие экземпляры ходят, сама знаешь. И с персоналом не всегда всё гладко: то не выйдут, то *накосячат*. А ты отдувайся за всех.

София смотрела на личность, сумевшую словить на себе пару биполярных расстройств. Другого объяснения поступкам человека, умудряющегося выкручивать своё поведение на разные тональности раз пятнадцать за день, не существовало. С Оксанкой всегда было, ой, как не просто! Одни её резкие выражения в адрес случайной жертвы иногда стоили тридцати капель Корвалола. Как она до сих пор не потеряла работу и не убила кого-нибудь из посетителей, оставалось загадкой. Эта уж точно, как Пашка, извиняться не станет.

Всё же сейчас она вела себя вполне миролюбиво и болтала о личных, даже слегка интимных вещах. Видимо вымученная откровенность должна была каким-то образом показать Софии совершенную капитуляцию Оксаны и признание ошибочным высказанного двумя днями ранее.

– Я ему и сказала: «Пока не закроешь долги по алиментам, Сашку не увидишь!» – поставила точку в рассказе о бывшем муженьке Оксана.

– Ну да, – кивнула София, не имея возможности высказаться полнее за неимением похожего жизненного опыта.

– Хочешь, сделаю Капучино для тебя? – предложила Оксана, ловким броском закидывая бычок в урну.

– Можно.

Впервые утро понедельника оказалось добрым. Все были как-то особенно вежливы и приветливы. Даже Мария Аркадьевна лишней раз не казалась в приёмной носа и совершенно не гоняла по своим личным делам. Софии подумалось, что она умирает, и об этом знают все, кроме неё. Проверив пульс и вдохнув несколько раз поглубже, она уверилась в своём хорошем самочувствии и продолжила исполнять трудовые обязанности, попутно размышляя над предложением начальницы. Приречная улица находилась в другой части города, почти на самой

его окраине – это минус: далеко добираться. София покинет главное здание компании и будет на приличном расстоянии от надоевших коллег – это плюс. Она так и не научилась говорить людям «нет», а значит подчинённые быстренько присядут к ней на шею и превратят работу на новом месте в кошмар – это минус. Повышенный оклад руководителя – это всегда плюс. Ответственность и трудности, связанные с должностью – это всегда минус. Сколько бы она не размышляла, «за» и «против» выходили как-то поровну. Голова затрещала от напряжения, и София ещё раз метнулась к своему первоначальному плану об увольнении.

Время близилось к обеду, а решение, прыгая от одного довода к другому, трансформировалось без надежды на окончательную форму. Дурнота подступила к горлу, сердце в спешке сбилось с ритма, тело затрясло от озноба, и голова пошла кругом. Софии становилось всё хуже и хуже. Она кое-как дошла до туалетной комнаты, опираясь ладонью на стену коридора, побрызгала в лицо холодной водичкой из-под крана, заперлась в кабинке для инвалидов и села на крышку унитаза. Она поняла, что вот-вот отключится.

– А сейчас мы проверим, действительно ли вы хорошие ребята, – приторно-ласковый голос пробился к сознанию Софии.

Она потихоньку приходила в себя. Сквозь пелену перед глазами проступала обстановка, поражающая своей невозможностью: просторное помещение с высокими потолками, стены, украшенные умелой рукой художника милыми белочками, зайчиками и птичками, громадные окна, залепленные по раме слегка пожелтевшими полосками ткани, и стёкла, украшенные разноузорчатыми снежинками из бумаги. Одну часть комнаты перекрывал огромный низковорсовый ковёр, а на другой половине выстроились низенькие столики примерно на четыре гнома персоны, стеллажи, заставленные (местами заваленные) игрушками, и корзины с резиновыми мячиками кирпичного окраса с тремя разноцветными полосками по экватору. София сидела на деревянном стульчике в ряд с детьми примерно четырёх-пяти лет. Они сложили ручки на коленях и внимательно слушали женщину в фартуке, стоявшую перед ними.

– Сейчас я расскажу вам историю, да не одну. Если вы согласны, что поступок в ней хороший – похлопайте в ладошки, а если поступок плохой – потопайте ножками.

– Анна Васильевна! – узнала воспитательницу София.

– Да, Софьюшка, тебе что-то не понятно?

– Нет, всё понятно, – замотала она головой, чтобы поскорее сбросить с себя внимание.

– Хорошо. Тогда начнем.

Если ты сломал игрушку, под кровать её убрал,
Маме с папой не сознался и соврал, что потерял.

Дети затопали так сильно, что стоявшие на стеллаже книжки разъехались в ступеньки, и первая из них свалилась на пол.

– Вот это да! Какое землетрясение вы устроили! – завохтала воспитательница под смех детей. – Это правильный ответ.

Вдруг увидел, что щеночка обижают детвора,
Ты забрал его на руки и сказал, что так нельзя!

Дети захлопали в ответ под одобрительный кивок Анны Васильевны.

«Это всё, конечно, очень весело, но настолько реалистичными галлюцинации быть не могут!» – рассуждала София, разглядывая себя и всё вокруг.

Совершенно точно она сейчас находилась в том самом детском саду, который посещала маленькой девочкой. Это красное платье с белым воротничком и рукавами-фонариками,

гольфы с бабочками по бокам и серые сандалики из настоящей кожи когда-то были главными предметами её гардероба. София любовно разглаживала рюши, сбившиеся в волны по краю юбки, и поправляла пуговицы-цветочки на груди. Хвостик на голове удерживала капроновая лента, собранная в четырёхлепестковый бант, который она узнала по одному прикосновению. Эта «галлюцинация» нравилась куда больше, чем первая: милые предметы детства, подзабытые с возрастом, очаровывали и наполняли тёплой радостью, а возможность говорить и без проблем владеть своим телом давали надежду, что в этот раз всё закончится не так плохо. По крайней мере, напоить её будет куда сложнее.

«Интересно, сколько это продлится?» – гадала София.

Дети расставляли стульчики вокруг столов. Судя по всему, время близилось к приёму пищи. Софию вместе со всеми направили в комнату помыть руки. Она смиренно постояла в очереди, под одобрительные нянечкины «моем-моем» хорошенько промыла каждый пальчик и замерла в нерешительности перед рядовкой разноцветных полотенец.

– Софа, что же ты стоишь? Поскорее вытирай ручки и на обед, – воспитательница сдернула полотенце в красно-розовую полоску с крючка под картинкой Снегурочки.

«Точно!» – припоминала София.

Эта Снегурочка... она сопровождала всю детсадовскую жизнь, помогала ориентироваться, где своё, где чужое. Точно такая же должна висеть на спинке кровати, личной кабинке и украшать медицинскую карту. На стульях подобные отметки не предусматривались, поэтому Софа плюхнулась на первый попавшийся.

– Это моё место! – заныл появившийся с боку мальчик.

– И что? – хмыкнула София.

– Я здесь сижу! – вытягивал он каждое слово.

– Какая тебе разница? – она увидела гримасу, предвещающую рёв, и спохватилась: – Давай сейчас посижу здесь я, а ты пойдёшь на моё – самое лучшее место!

Он шмыгнул носом, повернул голову назад, видимо оценивая поступившее предложение, и без лишних слов направился к полусвободному столику у окна.

«А ведь и правда классное место!» – практически без проблем получилось прояснить ещё один момент.

София спокойно сидела в ожидании еды и разглядывала своих соседей. Вот это Витюшка Смолин из третьего подъезда. Каким милым карапузом он, оказывается, был! Не чета себе взрослому: лысый, тощий, с двумя разводами и с перечнем зависимостей по МКБ-10. Сейчас он усердно проверяет ноздрю на наличие «изумрудов», а в будущем растратит жизнь и всё человеческое в себе, не дошагав до двадцати пяти лет.

А эта девочка с прозрачной кожей и зелёными глазами – Анюта Муратова. Большим человеком станет. И дело даже не в папиных связях и деньгах. Она сама умница-разумница и приложит немало усилий, чтобы доказать, что тоже чего-то стоит. Крылья ей попытается обломать муженёк в первый же месяц после свадьбы, но нарвётся на гнев отца и гаечный ключ на восемьдесят. После выписки придётся развестись в спешке и отпустить голубку с целыми крыльями за границу. Там Анюта сумеет построить блестящую карьеру юриста и найдёт более достойную кандидатуру в спутники жизни.

Девочка, сидевшая напротив, казалась незнакомой. Как бы Софья к ней не приглядывалась, в памяти взрослый вариант не находился. Видимо, после садика их пути разошлись, и будущее кареглазой смуглянки захлопнулось прямо перед носом.

На столе поставили черный и белый хлеб на выбор, разлили гороховый суп по тарелкам и компот по стаканам. Дети хором проговорили «Спасибо!» на «Приятного аппетита!» от работников кухни и принялись греметь ложками, зачерпывая суп, хлопать и чавкать, поглощая еду. Софию это совершенно не раздражало. Она с удовольствием съедала ложку за ложкой, закусы-

вала хлебом и надеялась на добавку или второе. Мечта миллионов взрослых хотя бы на денёк вернуться в детский сад свалилась на человека, который никогда об этом не думал.

Теория о галлюцинации дисквалифицировалась окончательно вместе со сменой блюд. София разломила вилкой сочную котлету, посмотрела на аппетитный кусочек и улыбнулась своему неожиданному счастью. Вместо того, чтобы решать проблему где-то там, во взрослой жизни, она спокойно наслаждается едой и, скорее всего, совсем скоро отправится спать. Вопросы «Как такое возможно?» и «Почему это происходит?» вдруг перестали волновать совершенно.

Кроватка со Снегурочкой находилась в комнатухе, где уместилось всего три спальных места. София помнила, что ей приходилось делить маленькое помещение с близнецами из-за того, что в общем зале не хватало мест. Обычно Коля с Матвеем вели себя спокойно, не то что другие мальчишки. Правда один любил вытаскивать нитки из лент на окнах и мусолить их во рту, слизывая крупы мыльного раствора, а второй иногда писался и тихонько хныкал из-за этого, накрывшись с головой одеялом. Сейчас некоторая удалённость от нянечек оказалась как нельзя кстати. «А вдруг я засну и снова проснусь в будущем?» – забеспокоилась она, снимая одежду и аккуратно развешивая её на спинке стула. София решила во чтобы то не стало крепиться и не засыпать. Только глаза прикроет, чтобы Анна Васильевна не ругалась.

Она не ругалась. Весь сон-час троица проспала спокойно и без происшествий. Софию разбудила вторая воспитательница, имя которой она не помнила. Удивительное, как не странно, не исчезло, и пребывание в детстве продолжилось на неопределённый срок. Какой именно будет этот период, предсказать сложно. Вернее, невозможно совершенно.

В раздевалке творился сущий кошмар. Дети потрошили свои кабинки, кое-как натягивали на себя тёплую одежду, снова сбрасывали её с рёвом и просились в туалет, потому что захотелось именно сейчас, а не десять минут назад, когда всех хором томили на горшках добрых шесть минут. Воспитатели с нянечкой носились от крика к крику, от раздетого ребёнка к уже начинающему под слоем шерсти и меха потеть. Одна София преспокойно прошла к своей кабинке, достала вещи, присела на скамейку, без посторонней помощи оделась, успев при этом помочь близнецам застегнуть пуговицы на пальто, затянуть вязочки на шапках и просунуть ручки в узкие варежки.

Наконец, добрая половина детей топталась готовыми к выходу. Анна Васильевна оставила отстающих на второго воспитателя и поспешила вывести группу из помещения, попутно раздавая указания всем и каждому:

– Берёмся за ручки по двое, аккуратно спускаемся по ступенькам. Миша, не прыгай! Алёна, держись за Андрея! Не растягиваемся, смотрим под ноги.

«Четырнадцать палочек мороза», как выразилась дворничиха баба Дуся, приятно освежали. София закрыла глаза, вдохнула поглубже, выдохнула. Она всегда любила зиму. Любила, когда погода тихая, как сейчас, когда не слишком холодно и когда идёт снег. И чем он пушистее, тем спокойнее на душе. Она не спеша прогуливалась по вычищенным тропинкам, дергала за лапки елей и ныряла под осыпавшийся снег, лепила шарики и бросала их в кирпичную стену, падала спиной в сугробы и получала за это нагоняй от Анны Васильевны.

С другими она не играла. Это всё одно, что водиться с племянниками. Они были настоящими детьми, «а я? Кто же я? – рассуждала София. – Вынужденная притворяться взрослой незрелая личность? Или уникальная индивидуальность, невольно опутившаяся до уровня бесхребетного индивида? Судя по моей нерешительности и бегу от проблем никакой зрелостью здесь и не пахнет. Грусть-печаль, однако.»

София из фона случайно выхватила знакомое лицо. За весь день она не успела подумать о том, что может снова встретиться с кем-то, кого потеряла много лет назад. У калитки стояла тётя Наташа и махала ей рукой. София сделала в нерешительности один шаг навстречу, замерла на мгновение и сорвалась на бег.

– Ого, ты сегодня рада меня видеть? – засмеялась тётя, подхватывая Софию на руки.
– Я всегда рада тебя видеть! – обвила руками шею и уткнулась лицом в тёткины волосы.
– Утром ты так не думала, – поглаживала она по спине племянницу. – Что было, то прошло. И мы забудем.

София отказалась ехать на санках. Хотелось прогуляться за руку с тётей. На полпути силы неожиданно покинули ноги и пришлось позволить докатить себя до подъезда. В квартире было всё, как раньше: сервант, заставленный дарёным хрусталём и фарфором, пузатый телевизор на ножках, диван с тонкими деревянными подлокотниками, ковер на полстены и люстра с «висюльками». Ощущения возврата в прошлое не было. София смогла переделать квартиру «под себя» всего год назад. После смерти тёти она долго не решалась что-либо выкинуть. Казалось, что тем самым она осквернит память о ней. Только после очередного замечания Лиды насчёт «советчины», вгоняющей в депрессию даже тараканов, София решилась на переделку, сохранив при этом большую часть мелочёвки и спрятав её от глаз придирчивой подруги за зелёные дверцы новенького шкафа-купе. А сейчас вот оно всё здесь, на своих местах, в неизменном порядке.

Тётя собирала вещи на стирку, подключала машинку и готовила порошковый раствор. София бегала за ней хвостиком и сыпала вопросами. За семь лет после похорон они накопились в огромном количестве и требовали ответов здесь и сейчас, пока такая возможность имелаась. В выражениях мыслей София старалась подражать детям, что выходило плохо. Несколько раз тётя Наташа зависала с мокрыми кофточками, юбками, брюками в руках, забывая, что надо бы капающие вещи продолжить отжимать, и в недоумении смотрела на Софию, как будто проверяя, не подменили ли ей ребёнка в детском саду.

В перерывах София спорила сама с собой. Она не знала, как распорядиться знанием о будущем тёти. Решиться предупредить напрямую о том, что лет через пятнадцать она умрет из-за не диагностированного на ранних сроках рака, не позволял страх всё испортить. Что если своей откровенностью она сломает прошлое и испортит будущее? Или тётя не поверит? Как минимум, удастся отшутиться. Как максимум, присутствовала вероятность залететь в психушку или на сеанс экзорцизма. Намёки здесь тоже малополезны. Даже хорошо продуманные они прозвучат из уст пятилетнего ребёнка, как плохая шутка, подстроенная кем-то из взрослых. Да и поможет ли это как-то изменить будущее? Что если это вообще не прошлое, а какая-нибудь компьютерная симуляция, в которую София залетела по случайности, подстроенной правительством или неким тайным обществом? Если она сейчас допустит ошибку, то по возвращению стинет бесследно с лица Земли, как забракованный экземпляр эксперимента под номером 729 435. Да нет, чушь какая! Но для перестраховки она решила дать выбор самой тёте Наташе.

– Ты бы хотела знать, как ты... умрешь?

Тётя выронила ложку, которой перемешивала картофель в сковороде.

– София, вас этому в детском саду научили? – недоумевала она в растерянности.

– Нет. Честно-честно! Мне просто интересно.

Тётя Наташа подошла поближе, для уверенности приложила руку ко лбу девочки, присела рядом на табурет.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – после бодрого кивка Софии продолжила: – Ты как-то странно себя ведёшь сегодня. Не к болезни ли? Ответом на твой вопрос будет «Нет». Я бы не хотела знать, как, когда и почему я умру. Во-первых, это грех, а, во-вторых, чему быть, того не миновать. Знать заранее о чём-то плохом, только портить себе остаток жизни ненужными переживаниями. Для меня главное – вырастить тебя. А остальное не имеет никакого значения.

– Угу, – смирилась София с выбором тёти.

После ужина они в обнимку смотрели телевизор. София ещё до мультфильма в «Спокойной ночи, малыши!» начала клевать носом. Тётя Наташи перенесла её на кровать, помогла раздеться и присела рядом.

– Я люблю тебя! – сказала София то, в чём при жизни тёти никогда не признавалась.

– Ой, доча! – растроганные глаза наполнились слезами. – И я тебя очень люблю!

Тётя поцеловала девочку в лобик, подоткнула одеяло и поглаживала по спинке, пока София окончательно не уснула.

София очнулась в кабинке для инвалидов, в которой просидела... Сколько? Она посмотрела на наручные часы. Прошло минуты три. В дверцу стучали. Судя по силе ударов, не в первый раз.

– С вами всё в порядке? – раздался чей-то голос.

– Всё нормально, я сейчас выйду, – она встала, потрясла головой, помахала руками перед лицом, подгоняя к себе воздух.

На выходе её поджидала техничка, экипированное шваброй, тряпкой и пульверизатором с голубой жидкостью. Она внимательно посмотрела на Софию и ещё раз уточнила:

– С вами точно всё хорошо? Вы стонали, как от боли. Я подумала, что вам плохо.

– Было, но сейчас стало лучше. Спасибо!

София проскользнула мимо уборщицы и поспешила покинуть туалетную комнату, пока из соседних кабинок никто, если кто-то там был, не успел выйти. Объясняться перед кем-то ещё не хотелось, как и принимать притворное сочувствие, в котором она не нуждалась.

Оставалось полчаса до обеда. София забивала в поисковике вопрос за вопросом, щёлкала мышкой по ответам Google, фыркала на попадавшуюся информацию. Кроме неплохих подборок хронофантастики на вечер, найти что-либо, способное объяснить происходившее с ней, не удалось.

«Я-то не в фильме... надеюсь», – усомнилась в реальности София.

Нависшая над её столом Мария Аркадьевна напомнила о своей самой что ни на есть карикатурной роли начальницы, подкинув тем самым уголёк в топку сомнения.

– Я согласна, – сказала ей София, не позволив открыть и рта, – только я хочу иметь возможность покидать рабочее место раньше времени. Без ущерба рабочему процессу, разумеется.

Прикрывшись «если не согласится, увольюсь, да и всё тут!», София впервые выставила условие, чем не мало озадачила Марию Аркадьевну. Хотя та ненадолго подвисла, всё же ответила вполне спокойно:

– Хорошо. Завтра в девять передашь дела Амелии, а после тебя будут ждать в кафе на стажировку.

«Амелия, значит! – ситуация начала подтягивать логику. – Племяшку решила на моё место пристроить? Что ж, это ваши семейные дела. Главное, что с условием согласилась. Остальное не важно.»

Свобода в действиях сейчас, как никогда, имела особенный вес. Во-первых, София не понимает, что с ней происходит и как это контролировать? Не то чтобы всё это не нравилось. Казалось даже забавным вот так просто прыгнуть в прошлое, оставаясь при этом в своём нынешнем уме, и побродить там, куда для всех дорога давно закрыта. Во-вторых, она должна иметь возможность в любой момент потеряться с глаз посторонних без опаски предстать перед ними в неприглядном виде. Возможно, скачки в прошлое – это всего лишь галлюцинация. Хорошо, если в этот момент сидишь взаперти одна или валяешься дома на кровати. А что, если ты бесконтрольно шастаешь повсюду с пеной у рта и взглядом дохлой рыбы с витрины захудалого магазинчика? Приятного мало. Так или иначе, чтобы разобраться, понадобится куча свободного времени.

Перерыв на обед София провела в обнимку с телефоном. Не обращая внимания на поднос с остывающей едой и обедающих по соседству коллег, она с маниакальным упорством просматривала страницу за страницей, перескакивая от путешествий во времени к профилям рекомендованных поисковиком психологов (исключать помутнение рассудка тоже не стоило).

– MARVEL или DC? – за её столик без разрешения подсел Пашка.

– DC, – не растерялась София.

– О! Влюблена в мужественный подбородок Бэтмена?

София сморщила нос и скривила рот в брезгливую дугу.

– Нет, мне нравятся его антагонисты, – заявила она со знанием темы.

– Ого, неожиданно!

– Ты решил поговорить со мной о супергероях? – оценивала она обстановку.

Он смутился прямого вопроса и заискал глазами другую точку опоры за пределами её лица.

– Не знал, что спросить. Хотел проверить, злишься на меня или нет. Я слышал, тебя в другое место переводят. Не хотелось бы вот так расстаться с негативом в воспоминаниях. С твоей стороны, понятное дело. О тебе-то я хорошего мнения. Себя только не с лучшего ракурса показал.

София понимающе покачала головой и подметила:

– Так или иначе мы будем видеться. Одна компания как-никак. И повторюсь, я не в обиде на тебя. Проехали, как говорится.

Беседа подвисла. Затянувшееся молчание, которое часто возникает между малознакомыми людьми, вынудило побыстрее разобраться с обедом. У Софии получилось раньше. Она скидала пустую посуду на поднос, подметила в слух, что еда сегодня была вполне сносная, и поспешила удалиться с глаз виновника неловкой ситуации.

До конца рабочего дня она успела добить висевшие задачи, разобрать шкафы и ящики, выбросить лишнее отовсюду и собрать в кучу личные вещи. София всегда удивлялась персонажам фильмов, которые при увольнении выходили из офиса с полной коробкой чего-то непонятного. Казалось неясным, что на работе можно насобирать такого? Теперь два внушительных пакета из местного магазинчика, заполненных до краёв, вполне проясняли ситуацию. Здесь были: запасная обувь на случай важных переговоров и пара тапочек для комфортного сидения за рабочим столом, палантин из верблюжьей шерсти, куча мелких и крупных безделушек, подаренных в разное время компанией в рамках корпоративной политики по сплочению и мотивации коллектива, кружка с дурацкой надписью «Нет, не принцесса. Королевна!», тетрадки с личными записями по работе и несколько карманных романов под мягкими обложками с мужественными мужчинами, уверенно держащими в своих объятьях женственных женщин. Последние были всучены Лидой для раскрытия «женских чакр» и пробуждения сексуальности, которые София решила оставить в покое после первой же подробно описанной сцены с «жезлами», «разгорячённой плотью», «чреслами» и другими определениями половых органов.

– Ужас-то какой! – прокомментировала она прочитанное и с пылающим от стыда лицом закинула подальше в ящик всю стопку романов.

В приёмную вползла кадровик Ирина Александровна. Она ещё не отошла после третьего декрета и кое-как перетаскивала по офису своё длинное тело, начинающее заметно крениться к полу в области шеи и плеч. Ещё бы! Потаскай на себе грудь четвёртого размера, трёх спинных грызов погодок да мужа слюня, не отвыкшего к сорока пяти годикам что-либо делать без разрешения своей матушки. Ирина остановилась около стола, посмотрела на Софию, пакеты, дверь управляющей и подвисла в замешательстве, забыв, зачем пришла.

– Меня переводят, – напомнила ей Софа.

– Да. Точно! Как устроишься на месте, забеги ко мне. Подпишем приказ и новую должностную инструкцию.

– А разве я не должна ознакомиться с ней до того, как приступлю к выполнению обязанностей?

– Должна, но я её не подготовила, – спокойно заявила кадровик.

София посмотрела на измученное лицо Ирины Александровны, которое за полгода декрета постарело лет на десять, и из сочувствия простила ко всему прочему все будущие её прегрешения.

– Без проблем! Забегу через недельку.

Кадровик, не покидая амёбного состояния, молча выползла из приёмной.

Часы показывали 17:29. Марии Аркадьевны давно исчезла из офиса, прикрывшись очередным неотложным делом во благо процветания компании, чаще всего подразумевавшее под собой полуденную запись к косметологу, или встречу с неработающими подружками, или пилатес, или шопинг в ближайшем торговом центре. София всё это прекрасно понимала, но из деланного сочувствия «работяге» каждый раз охала и ахала, провожая начальницу за дверь. Ожидать её после этого не стоило до завтрашнего дня. Оставшиеся полчаса досиживать тоже не хотелось. София решила сбежать пораньше и, чтобы лишний раз никому не попадаться на глаза, прошмыгнула к пожарному выходу, не раз спасавшему её в подобных случаях. Спускаясь по лестнице, она чертыхнулась, заметив через окно Пашку, крутившегося на улице около выхода из цеха с парочкой других поваров. Они отдыхали в тени здания от духоты кухни, прохаживались до угла и обратно и под весёлые смешки обсуждали что-то между собой. София решила переждать их променад, затаилась с пакетами в уголке площадки и наблюдала из укрытия в ожидании нужного момента.

Любопытный глаз непроизвольно падал на Пашку, отбраковывая двух других его спутников напрочь. Казалось бы, обычный молодой человек, возможно, чуть менее subtilный, чем крутившиеся рядом товарищи. Не исключено, что замашка бриться под ноль выделяла его из толпы. Он явно не страдал облысением, но для чего-то каждое утро тщательно скрёб голову опасной бритвой до воскового блеска. Вероятно, таким образом он поддерживал терморегуляцию головы, закрытую снизу густой бородой, неизменно балансирующей по длине между Бретта и Гарибальди. Аккуратно оформленная, с чёткой линией по щекам она помимо возраста и суровости добавляла глубины и выразительности серо-голубым глазам. Возможно, секрет притягательности в этом? Даже Чарльз Дарвин признавал наличие бороды доминантным признаком среди мужчин, как, например, длина надбровных перьев у Короля Саксонии увеличивает привлекательность самца среди райских птичек. Какой-то современный умник с этим не согласился, а другой, напротив, подтвердил теорию экспериментальным тестированием, отвечающим, как полагается, объективности, надёжности и валидности. София могла бы быть среди тех дам, считающих волосистой покров нижней части лица у мужчин признаком брутальности, если бы не думала, что бороду носят исключительно ленивые мужики. Образ ирландского дровосека стоял где-то там, снизу, под полками с главными сексуально-привлекательными образами в её представлении.

Нет, здесь было что-то другое. На Софию обратили внимание, вот в чём дело. Когда в обиде на весь мир стараешься спрятаться ото всех, где подальше: в тесной однушке на четвёртом этаже, за алкогольным дурманом или наконец в себе самой – кто-то находит тебя, вытягивает на поверхность, приносит извинения, да ещё и два раза за день. Волей-неволей, пусть даже чисто на интуитивном уровне, поддаёшься искушению узнать, что же это за человек такой особенный. София не впала в глубинную психологию и объяснила всё намного проще:

«Так-то он ничего!»

Только после, всю дорогу до дома ругала себя за привычку прицениваться к первому попавшемуся мужчине, что ни раз аukaлось ей в прошлом.

После парочки неудавшихся, по-детски наивных отношений и одной серьёзной, но, как полагается, разбившей сердце любви, к которой она нет-нет да возвращалась мысленно, нача-

лась череда сомнительных встреч и малообещающих свиданий. Эти мужчины ничего для неё не значили. София находила их в компаниях, в клубах, в социальных сетях, на сайтах знакомств и при проблеске взаимной симпатии стремилась влюбить в себя. В поиске кого-то или чего-то важного она перебирала одного за другим, разочаровывалась после первой или второй встречи, теряла интерес к каждому, кто по-настоящему ею увлекался и тут же разрывала с ним все связи, пряталась в квартире от толпы нечаянных поклонников и с фанатизмом истязала себя самокопанием и слезами под заунывный трек.

Пелена с разума спала, когда один из воздыхателей начал её преследовать. Всё началось с обычной переписки в соцсети. Он сам постучался к ней в друзья, представился Андреем и предложил пообщаться здесь и сейчас. Пустая страница собеседника и никнейм из бессвязного набора букв английского алфавита Софию совершенно не смутили. Тем более он убедительно объяснился, что работает в «органах», а им по долгу службы запрещено светиться в Интернете. Она согласилась.

Андрей оказался интересным собеседником, эрудированным и с непотным чувством юмора. Он умело угадывал интересующие её темы, был внимателен, заваливал оригинальными комплиментами, ни на чём не настаивал, не докучал сообщениями и при этом всегда оставался на связи. Софии подумалось, что вот, наконец-то она нашла то, что искала. Вернее, того, кого искала. Вопрос о внешности интересовал её с самого начала, но она не требовала фотографий, до крайностей романтизируя загадочность собеседника. В один из дней любопытство извело до такой степени, что стало физически дурно, и София поняла, что если сейчас же не увидит Андрея, то умрёт прямо здесь на месте, так сказать, не отходя от ксерокса. Примерно это она написала ему в сообщении. Он ответил смеющимся смайликом и милой припиской:

«Ты – Чудо!».

Чуть ниже сбросил ссылку, предупредив, что лучше её открыть на домашнем компьютере, дабы случайно не засветить лицо сотрудника МВД на корпоративной технике негосударственной организации. Послушная девочка Софа сделала всё, как было велено. Как там говорят? И понеслась? Нет, фотография по ссылке действительно была и, что немаловажно, Софию она полностью устроила, да так, что в мыслях ненароком промелькнули несколько мест для будущего свадебного путешествия. Только в добавок к фото прилагался некоторый программный код, невидимый невооружённым глазом обывателя и пропущенный без уведомления всеми защитами компьютера, как по пригласительному билету.

Кошмар начался, когда София поняла, что её переписки читают. Она подумала, что забыла на работе выйти из профиля VK, и кто-то из коллег с крысиной натурой без спроса залез на её страницу. Но после рекомендованных администрацией сайта шагов по выходу со всех устройств и смене паролей история всё равно повторилась.

Тут Андрей ни с того ни с сего поинтересовался, как там дела у Лиды с новым парнем, о котором никто, кроме подруг, не знал. Задурманенная романтическими переживаниями голова разом прояснилась и сложила один к одному.

«Ты следишь за мной!» – обвинила София Андрея.

«Нет. Всего лишь приглядываю за плохой девочкой.»

«В каком смысле?»

«Иметь столько связей с мужчинами и оставаться при этом монахиней довольно-таки сложно», – написал он в ответ.

«Да что ты вообще обо мне знаешь!?»

«Всё!»

Сердце в спешке выколачивало себе путь через рёбра наружу. София лихорадочно начала удалять информацию из соцсетей, подчищать переписки и историю браузера. Один из мессенджеров на телефоне принял сообщение с неизвестного номера:

«Не поможет, милая.»

Она нервно сглотнула и зависла над открытым сообщением, еле сдерживая дрожь в руках. Поступили новые сообщения:

«Я всего лишь хочу, чтобы мы с тобой подружились. Ты мне нравишься, и я уверен, что это взаимно.» «Ну же, София, ответь мне.» «Ау!»

«Да пошёл ты!» – ответила она и заблокировала номер.

В сервисе по ремонту компьютеров посоветовали полностью *снести* ноутбук и переустановить операционную систему. София согласилась и, получив на следующий день чистенький аппарат, немного поуспокоилась. Ночью её разбудил звонок с неизвестного номера. На том конце молчали, ни единого звука не было слышно, но присутствие слушающего всё равно ощущалось. София подумала, что ошиблись номером и после нескольких корректных «Ало!» сбросила звонок и затолкала телефон обратно под подушку. Рука не успела отпустить сотовый, как на него пришло sms:

«У тебя красивый голос, мягкий и чувственный. Услышать бы его в живую.»

Она поняла, кто это. Без промедлений внесла номер в списки заблокированных и выключила телефон. За пару месяцев таких номеров скопилось с два десятка. Она удивлялась, откуда столько может быть у одного человека, и каждый раз тряслась от страха, читая сообщение от новой комбинации из девяти цифр после +7 9.

Андрей не оставлял Софию в покое ни по телефону, ни в соцсетях. Настаивал на встречах, запугивал незримым присутствием и исключительной настойчивостью, приправленную недвусмысленными угрозами. Говорил, что выложит в общий доступ её откровенный фотографии и не менее интимные переписки, что с лёгкостью найдет её квартиру. Тем более место работы ему давно известно и проследить маршрут до дома не составит труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.